

НИЛ ГЕЙМАН
ЭЛ САРАНТОНИО

ВСЕ
НОВЫЕ
СКАЗКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44
В84

STORIES: ALL-NEW TALES
Edited Neil Gaiman, Al Sarrantonio

Печатается с разрешения издательства Writers House LLC.
и литературного агентства Synopsis.

Художественное оформление *Екатерины Фёрез*

В84 **Все** новые сказки : [антология] / Сост. Нил Гейман, Эл Саррантонио; [пер. с англ.]— Москва: Издательство АСТ, 2019. — 640 с. — (Все новые сказки).

ISBN 978-5-17-114622-1

Нил Гейман и Эл Саррантонио — не только блестящие литераторы и строгие критики, но и искусные читатели, для которых сказка — это в первую очередь история. История с большой буквы. Она одинаково увлекательна для людей разного пола, возраста и национальности. Она балансирует на тонкой грани смешного и страшного, причудливого и обыденного, и для нее нет иных границ, кроме таланта и фантазии автора. А какой еще жанр отвечает этой задаче лучше, чем фантастика? Итогом трудов составителей и стала книга, которую вы держите в руках — коллекция лучших рассказов в жанрах мифологического и городского фэнтези, хоррора, саспенса и даже реализма, написанных признанными мастерами англо-американской прозы: Чаком Палаником, Майклом Муркоком, Джо Хиллом, Джоан Харрис, Майклом Суэвниом, Дианой Уинн Джонс, Тимом Пауэрсом и многими другими. Умные, тонкие, изысканно интеллектуальные, захватывающие, а порой и по-настоящему страшные истории, заставляющие читателя, забыв обо всем, переворачивать страницу за страницей, а дочитав — задавать главный для любого рассказчика вопрос: «А ДАЛЬШЕ?...»

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44

Copyright 2010 by Neil Gaiman and Al Sarrantonio
© Глезерова М., Казакова Н., Конча Н., Мартинкевич Е., Мельниченко М., Осокин А., Силакова С., Старков Д., Тогобецкая М., перевод на русский язык
© ООО "Издательство «АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-114622-1

Эта книга — результат игры воображения.

Герои, характеры, события и диалоги целиком остаются на совести авторов, их не следует воспринимать как реальные.

И потому любое совпадение с действительными событиями и людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

*Всем рассказчикам и иллюзионистам, которые,
развлекая публику, всегда с нами:*

Александрю Дюма и Чарльзу Диккенсу, Марку Твену
и баронессе Орци¹, и наконец, даже больше,
чем остальным — Шехерезаде, которая сама была
и рассказчиком, и историей.

*Наша горячая благодарность Дженнифер Брел
и Меррили Хейфец, рулившим этой длинной лодкой
и благополучно доставившим нас на берег.*

ВСЕГО ПАРА СЛОВ

Как-то раз мы с Элом Саррантонио разговорились об антологиях короткого рассказа. В то время он редактировал громадную антологию наисвежайших ужасов, да еще антологию наисвежайшего фэнтези, и каждая из них была в своем роде хрестоматийна. В ходе беседы выяснилось, что между нами имеется нечто общее: обоим нас в первую очередь интересовали сюжеты. Обоим нам не хватало историй, которые не оставят нас равнодушными, обоим хотелось читать такое, чтобы рука сама тянулась перевернуть страницу. И — да, чтобы язык непременно был хорош (с чего бы вдруг довольствоваться меньшим?). Вдобавок, и мне и ему нужны были сказки, где яркие вспышки магии используются затем, чтоб показать нам то, что мы уже видели тысячу раз, совершенно по-новому, будто впервые. Одним словом, и он, и я желали всего — всего и сразу.

И вот, мало-помалу, желание обернулось делом.

В детстве я вечно не давал старшим покоя, требуя сказок. Родным приходилось то импровизировать, то читать мне сказки из книг. Едва научившись читать самостоятельно, я сделался одним из тех детей, что жизни себе не мыслят без книги под рукой. По книжке в сутки проглатывал, а то и больше! К сказкам тянуло неудержимо, каждый день, каждую минуту, они давали мне то, что может дать чело-

Introduction by Neil Gaiman and Al Sarrantonio.

Copyright © 2010 by Neil Gaiman and Al Sarrantonio.

веку только художественная литература, а именно — возможность побывать в сказке самому.

Да, кино, телевизор — все это прекрасно, вот только там невероятные приключения случались с другими людьми, не со мной. А истории, что я отыскивал в книгах, творились прямо в моей голове. Читая книги, я переносился в сказку, погружался в ее мир с головой.

Таково волшебство литературного творчества: берешь слова и строишь из них целые миры.

Со временем я становился читателем все более разборчивым, все более привередливым (до сих пор помню, как в первый раз понял, что заранее знаю, чем все закончится, и как впервые отметил, что манера повествования не дает хода развитию сюжета). Но странное дело: развитие литературного вкуса ничуть не мешало все острее и острее чувствовать нехватку той самой движущей силы, той самой увлекательности, того самого волшебства, что не дает оторваться от книги. Бывало, читаю и вижу — да, превосходная проза, но мне на это просто плевать.

В чем дело? А дело всего-навсего в паре слов.

Есть на свете люди, читающие только нехудожественную литературу — биографии, или, скажем, путевые заметки. Есть те, кто не читает ничего, кроме творчества поэтов-конкретистов. Есть и такие, кто читает лишь книги «полезные», способствующие саморазвитию и улучшению собственной будущности, повествующие о том, как пережить грядущий финансовый кризис, как обрести уверенность в себе, как выигрывать в покер или мастерить пчелиные ульи... Да что там, меня самого порой можно застать за чтением книг по пчеловодству: ведь я пишу художественную прозу, и странным, необычным знаниям всегда рад. Что бы мы ни читали, всех нас объединяет одно — мир повествования, мир сказки.

Есть, конечно, на свете и те, кто не читает вовсе. Видел я одного человека — немолодого, за девяносто, который, услышав, что я писатель, признался: однажды, задолго до моего рождения, он пробовал почитать книгу, но так и не сумел отыскать в этом какого-либо смысла, и с тех самых пор книг больше в руки не брал. Я поинтересовался, не помнит ли он заглавия, однако он, совсем как некто, однажды попробовавший съесть улитку и не нашедший в сем блюде ничего особенного, а потому и не посчитавший нужным запомнить породу улитки, ответил, что книга эта наверняка ничем не отличалась от любой другой.

Однако вернемся к нашей паре слов.

В чем дело, я понял каких-то дня три назад, прочитав в своем блоге:

Дорогой Нил!

Если бы вам представилась возможность выбрать любую цитату из собственных или чужих произведений и написать ее на стене детского отдела публичной библиотеки, что бы вы выбрали?

Заранее благодарю за ответ!

Линн

Тут я несколько призадумался. О книгах и детском чтении я в жизни говорил немало, а уж другие высказывались на эту тему куда лаконичнее и содержательнее. Но вдруг меня осенило, и вот что я написал в ответ:

Пожалуй, будь выбор за мной, я не стал бы портить библиотечную стену цитатой. Скорее, *я просто напомнил бы людям о власти сказок* — о том, отчего сказки вообще существуют. И написал бы всего пару слов, но таких, которым

любой рассказчик рад больше всего на свете. Тех самых, что дают нам понять: да, сказка вышла на славу, и страницы ее будут листать одну за другой. Вот эти слова:

— А дальше?¹

Да, это они — та самая пара слов, что произносит любой ребенок, когда, рассказывая ему сказку, делаешь паузу. Та самая пара слов, что слышишь в конце каждой главы. Та самая пара слов, сказанных вслух или в мыслях, что дает тебе, рассказчику, понять: слушатели задеты за живое.

Для некоторых из нас радость литературного творчества заключена в возможности дать волю фантазии, отрешиться от этого мира и помечтать. И вот в разговоре с Элом Саррантонио я осознал, что не мне одному все сильнее и сильнее мешают, досаждают так называемые «рамки жанра», что жанровая классификация, придуманная лишь затем, чтоб людям было проще отыскивать на полках книжных магазинов чтение по вкусу, начинает диктовать авторам, о чем и как надлежит писать. Вот, например, мне очень нравится слово «фэнтези», но почему? Да потому, что предоставляет автору невероятную свободу — своего рода бесконечную площадку для игр, ограниченную только рамками воображения. Коммерческое же фэнтези меня не привлекает ничуть. Коммерческое фэнтези, к добру это или к худу, склонно строго держаться границ существующей колеи, проложенной еще Дж. Р. Р. Толкином либо Робертом Э. Говардом и оставляющей в стороне великое множество не востребовавшихся историй, а значит, лишаящей автора целого мира. Между тем на свете так много прекрасной фантастики — фантастики, подвластной толь-

¹ Конечно, можно было бы формально сохранить четыре слова из английского оригинала, написав «а что было потом?», но, согласитесь, это звучит несколько искусственно и совсем не так выразительно. — *Примеч. ред.*

ко писательскому воображению и не вписывающейся в рамки каких-либо «жанровых» стеллажей. Она-то нам с Элом Саррантонио и требовалась.

Оба мы полагали, что фантастика может достичь куда большего, чем отводят ей ее недруги. Фантастика может освещать реальность, а может и исказить ее до неузнаваемости, может рядить ее в причудливые маски, а может и вовсе спрятать за ненадобностью — то есть, может показать тебе знакомый мир таким, каким ты его никогда не видал и даже не думал увидеть. Не зря Г. К. Честертон, сравнивая чтение фантастики с отъездом на отдых, говорил, что самое важное — момент возвращения домой: только в такие минуты и видишь места, где прожил всю жизнь, свежим взглядом.

Подумав обо всем этом, мы с мистером Саррантонио бросили клич, и в ответ новые истории, новые сказки хлынули к нам рекой. Писатели охотно приняли вызов, а мы мало-помалу привыкли ожидать от них только самого неожиданного.

«А дальше?»

Истинное волшебство этого коротенького заклинания — в том, что оно породило на свет сотни миллионов слов, превратив тех, кто никогда в жизни не помышлял о лаврах рассказчика, в сказочников, способных заткнуть за пояс саму Шахразаду, а то и утереть нос Джозефу Джоркенсу из рассказов лорда Дансени. Перевернешь страницу — и приключения начинаются.

Одним словом, там, дальше, вас кое-что ждет. Стоит только перевернуть страницу.

*Нил Гейман,
декабрь 2009 г..*

Перевод Дмитрия Старкова

РОДДИ ДОЙЛ КРОВЬ

Он вырос в городе Дракулы. Каждый день ходил в школу мимо дома Брэма Стокера⁴. Но относился к этому факту равнодушно. Хоть бы раз что почувствовал — но нет, в дрожь не бросало, призрачная рука не хватала за воротник, в шею никто не целовал. Собственно, даже мемориальную доску он заметил только на восемнадцатом году жизни, когда уже заканчивал школу. Книжку он никогда не читал и вряд ли прочтет. На «Дракуле» Копполы⁵ задремал. Слышал сквозь сон, как жена вскрикивает, чувствовал, как она испуганно стискивает его коленку... Вот опять стиснула. Оказалось, пытается разбудить, свет в зале уже горит. Жена сердится:

— Как ты мог?

— В смысле?

— Вырубиться на таком фильме!

— Я всегда вырубаясь, если фильм хреновый.

— У нас романтический вечер, между прочим.

— Да, верно, — сказал он. — Тогда да, прости. Кстати,

«Blood» by Roddy Doyle. Copyright © 2010 by Roddy Doyle

РОДДИ ДОЙЛ

чем кончилось?

— Иди ты в задницу! — сказала она с нежностью.

В Дублине принято выражать нежность, ругаясь последними словами.

Короче, вся эта тема, эта история с Дракулой для него ровно ничего не значила. И все же ему захотелось крови.

Захотелось отчаянно.

«Отчаянно» — это с недавних пор. Недавняя, ненавистная перемена. Хочется пить и пить кровь, жажда нестерпимая... Вот мерзость.

Когда это началось, он сам не знал. Но точно помнил, когда именно *осознал* свою жажду.

— Тебе какой стейк, прожаренный, не очень?

— Мне? Сырой.

Жена рассмеялась. Но он сказал чистую правду. Ему хотелось именно тот кусок мяса, который она держала над сковородкой! Вот этот, сырой, немедленно!.. К черту сковородку, зачем портить продукт? Он почувствовал, как борются между собой мышцы его тела, мускулы шеи, мускулы челюстей: одни старались его удержать, другие за него вступились.

И тут он проснулся.

Но нет, он давно не спит: он стоит на кухне, уставившись на стейк, пожирая его глазами.

— Поджарь совсем чуть-чуть, — сказал он.

Она улыбнулась:

— Ты у меня дикарь.

Через несколько минут он воспользовался ее словами как лазейкой (мол, спокойно, я просто прикалываюсь, такой уж уродился), наклонился к обугленному мясу на своей тарелке и облизал его. Дети вздумали проделать то же самое, и вся компания перемазала носы бурым соусом. Он заставил себя забыть, что у него ломит челюсти, подавил в себе рык, желание кусаться. После ужина все уселись

КРОВЬ

смотреть кино на диске. В общем, чудесный вечер. Честно-честно, все шло хорошо. Жизнь текла в нормальном русле. Какое-то время. Довольно долго. Несколько недель, как ему показалось. Однажды он заглянул в холодильник. На тарелке лежали два стейка из филейной части. Дожидались его. Да, наверное, прошло несколько недель, ведь Вера — жена — покупала стейки не так уж часто. Не то чтобы Вера закупала все или большую часть продуктов одна — просто возле мясной лавки она оказывалась чаще. Она покупала еду, он — вино. Она покупала мыло и туалетную бумагу. А он — вино. «Ты у меня дикарь».

Он схватил один стейк, отошел к мойке. Оглянулся через плечо — все нормально, никого — и сожрал стейк, наклонившись над мойкой. Нет, не сожрал. Сперва облизал, словно эскимо: холодный. Услышал, как зацокали по алюминию капли крови, почувствовал, как кровь сбегает по подбородку. Такое ощущение, будто это у него течет кровь. Он начал торопливо высасывать, пить. Не то: кровь должна быть теплой, сказал он себе. И страшно возненавидел себя за эту придирку: во даешь, сам себе ломаешь кайф, ищешь предлог снова... снова проделать... это... допустим, удовлетворить потребность, избежать ломки... так-так, значит, у него внезапно появилась зависимость от крови, а он и ухом не ведет, словно так и надо. Он зарычал — рыкнул как следует, мало не покажется. Оглянулся через плечо. Впрочем, теперь уже все пофиг. «Ты у меня дикарь». Он жевал мясо, пока оно не перестало быть мясом. Все, что осталось, выплюнул в мусорное ведро. Обтер подбородок, вымыл руки. Осмотрел рубашку: чистая. Пустил горячую воду, понаблюдал, как черные капли краснеют, розовеют, пропадают совсем. Взял из холодильника тарелку со вторым стейком, спихнул его в ведро. Завязал пакет, заправленный в ведро, достал, вынес на помойку.